

самой мощной в мире ГЭС, носит имя Ленин. Ленин Гарсиа. Это имя дал ему отец в 1928 году.

Находясь на борту ледокольного дизель-электрохода («Индирикка» идет на север), Л. Решетников пристально всматривается в лица членов его экипажа, возглавляемого капитаном Андреем Федоровичем Пинежадиновым. Писатель ищет героическое в жизни моряков.

Собственно, главная цель его командировки: написать в газету об отважных норвежцах — разведчиках Северного морского пути и о подвиге советских артиллеристов береговой батареи острова Диксон, которые в 1942 году дали отпор фашистскому линкору «Адмирал Шеер», прорвавшемуся в Карское море. Но автор не сомневается и в отваге моряков «Индирикки».

Среди них — женщина, Елизавета Константиновна Назарова, второй помощник капитана. Характер ее приоткрывается автору в эпизоде, когда эта женщина-судоводительница приглашает его, сухопутного человека, подняться по отвесной лесенке на «воронье гнездо», или на «бочку», как называют на дизель-электроходе наблюдательную будку, установленную на фок-мачте. Автор принимает этот мило замаскированный вызов и тем завоевывает симпатию Назаровой. Потом он с удивлением убеждается в том, что «Индирикка» быстрее находит дорогу через ледяные поля, когда на главном мостике несет вахту Елизавета Назарова.

Капитан «Индирикки» и его подчиненные не любят и как бы даже не умеют рассказывать о себе. И Л. Решетникову приходится искать «зацепку». И он находит ее. Высветить героическое писателю помогает радиограмма, случайно прочтенная им в каюте капитана. С нее и начинается своеобразная повесть в радиограммах — повесть о спасении экипажа траулера «РТ-206», прослоенная выписками из судового журнала и заметками из авторского дневника.

«Я не все сделал, что хотел, — пишет в заключение Л. Решетников. — Не всех героев отыскал... Но я встретил и успел полюбить многих людей, которых я не разыскивал как героев, но которые живут героической жизнью на этой далекой и суровой окраине нашей Родины, продолжая подвиги тех, кто открывал, отстраивал и отстаивал эти края до них. И среди этих героев — люди с «Индирикки».

Десять прозаических документальных произведений включил автор в книгу «Дороги», и в каждой вещи можно отметить бесспорные достоинства прозы поэта. Но я ограничусь несколькими замечаниями о записках, которые сделал Л. Решетников о своем пребывании в Австрии через восемь лет после войны, будучи корреспондентом «Красной звезды».

Казалось бы, время он описывает давнее. Многие с тех пор переменялись в Западной Европе. И все же записки Л. Решетникова звучат остро современно, волнуют нас своей непреходящей злободневностью. Не понаслышке, а по личным впечатлениям рисует Л. Решетников вопиющую бедность австрийского крестьянства и безработицу — бич городских пролетариев Австрии. Не абстрактными фразами, а через факты показывает автор пропасть между богачами-бур-

жуа и теми, кто на них работает. Высок накал чувств автора — патриота и интернационалиста, когда он пишет о смене караула по международному сектору Вены: американский караул сменяется советским, и нашим воинам бурно аплодируют рабочие австрийской столицы.

Нельзя без волнения читать о том, как наши солдаты и офицеры спасали австрийцев и их имущество от постигшего страну наводнения. А разве можно забыть слова старушки, которая вручала покидавшим Австрию советским офицерам завернутые в бумажку глиняные башмачки — символ счастья: «Да благословит вас бог! Пока есть вы — мир пребудет с нами!..»

Эти слова (изумительная по выразительности деталь!) Л. Решетников слышал даже из уст бывших австрийских солдат, воевавших против нас вместе с немцами.

«Пока есть вы...» — эту фразу можно адресовать всем героям книги «Дороги».

Иван КРАСНОВ

Иван Шумилов. В тылу врага. Повести и рассказы. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1983.

Появившаяся в самом начале минувшего года на прилавках книжных магазинов, эта книга сразу же разошлась. В нее вошли лучшие произведения писателя-фронтовика. Отметим, что самое первое из них — «В тылу врага (записки партизана)» — вышло еще в 1949 году во 2-м номере журнала «Сибирские огни». К сожалению, писатель не успел увидеть своей последней книжки, данное издание является как бы его лебединой песней. Это определение принадежит самому И. Шумилову. Безнадёжно больной (застудил легкие в лесах Белоруссии), он мечтал написать роман о белорусских партизанах, долго готовился к этой работе. Отправной точкой должны были стать записки партизана. Увы, не успел...

По свидетельству товарища по перу, барнаульского писателя Виктора Сидорова, Иван Шумилов «жил, можно сказать, одной любовью к людям», борясь с болезнью упорно и мужественно. Врач, просмотревший последние рентгеновские снимки, потрясенно говорил: «Удивительный человек!..»

Я немного знал Ивана Леонтьевича Шумилова. Он учительствовал в Павловском районе на Алтае, потом работал в отделе писем районной газеты. В ту пору он, кроме «Записок партизана», опубликовал повесть «Трещина» и детскую «Панька-генерал».

Но запомнился он мне, прежде всего, не своими книгами, а устными рассказами, сибирскими бывальщинами, которых помнил неисчислимо множество и передавал прямо-таки с артистической напевностью, свойственной очень чуткому, точному слуху. Есть какая-то завораживающая сила, притягательность в подобных рассказах. Их не «переведешь» на бумагу. Это давно подметили радиожурналисты и писатели, пользующиеся в своей работе диктофоном.

Глубокое доверие испытываешь, читая записки И. Шумилова. Так уж случилось, что и Налибокская пуша — огромный лесной массив Белоруссии, где он воевал, не-

хорошо знакома, особенно ее юго-восточный район, о котором пишет автор. Рубежевичи, Столбцы, Ивенец с прилегающими к ним более мелкими поселками составляют как бы широкую полосу, в зоне которой действовал командир партизанского взвода Иван Шумилов.

Да, биография писателя-сибиряка рождалась именно в этих местах — в бесконечной череде боев и походов. Его идеалы и убеждения выковывались в самое жестокое время, и потребовался определенный срок, чтобы он смог взяться за перо. От знания реальной жизни, философского осмысления увиденного и пережитого шел он к своему взыскательному творчеству. И эта авторская сопричастность к рассказанному невольно передается читателю.

Негромкая правда о войне, протащившей будущего писателя через самое пекло первых боев, ранений, окружений, наконец, партизанских нелегких будней, сделавшей его очевидцем и участником многочисленных коллективных подвигов советских людей, импонирует как раз своей неброскостью, скупой обиденностью дневниковых строк. Автором отброшено все случайное, наносное, второстепенное. Словарь его повально точен и выверен. Правда — полная, без недомолвок, прямая и искренняя, как исповедь.

Свидетель гибели десятков боевых побратимов, израненный, Иван Шумилов всю оставшуюся жизнь считал себя должником перед товарищами, отдавшими свои молодые жизни во имя грядущей победы над фашизмом. И писал, писал о тех суровых годах, так ни разу и не произнеся в своих строках о войне слово «подвиг». Он так и говорил: «Пишу о маленькой частице того, что составило Великую Отечественную войну...» Его собрат по литературному оружию, алтайский писатель Георгий Егоров в предисловии к своей «Книге о разведчиках» позже скажет: «Чем дальше уходит то время, тем острее ощущаешь те потери юности, и тем четче вырисовываются в памяти образы погибших ребят, тем ближе они мне становятся...»

Иван Шумилов не писал, кажется, предисловий к своим книгам. Но он, наверное, безоговорочно подписался бы под этими строками. Иначе не были бы так емко и образно — зачастую в двух-трех словах — обрисованы герои в его партизанских записках.

«...— Партизаны? Ну тогда будем радешеньки! — Моя рука хрустнула в его железной ладони. Передо мной стоял высокий широкоплечий богатырь...»

Это — о Балаше, командире маленькой, но хорошо вооруженной, подвижной группы смельчаков. На протяжении всего дальнейшего повествования — больше ни слова о внешнем облике этого незаурядного человека. И гибель его обрисовывается автором нарочито скупыми мазками: «Враги взяли хутор в кольцо, ударили по нему зажигательными пулями. Домик вспыхнул... Патроны подходили к концу, и Балаш стрелял только наверняка. А затем выстрелы совсем прекратились... Но он еще был жив. Из окна в немец полетели камни, палки... А потом вижу, выбегает сам с железной палкой в руке. Тут его и скосили...»

Но жизнь партизан состояла не только из

перестрелок, диверсий на железных дорогах, нападений на вражеские гарнизоны. Им приходилось вести кропотливую разведывательную работу. Приходилось иногда под прикрытием какой-нибудь «жёнки», взятой «напрокат» с дальнего хутора, ездить якобы по хозяйственным делам, скажем, на мельницу и зорко наблюдать за перемещением немецких частей на большаках, сосредоточением техники и т. д. В такой обстановке доводилось, естественно, и бегать от врага. И, к чести писателя, он не опускает в своем повествовании подобные эпизоды. Вот всего лишь несколько строк: «Я заворачиваю коня и гоною... Хлещу коня кнутом, вожжами. Ему, наверное, передается моя тревога и он бежит, сколько хватает сил. Спутница закрыла от снега лицо воротом тулупа. Мы так мчимся километр или два. Тряхни стариной коняга!

— Ездил когда-нибудь так быстро? — спрашиваю я.

— Не... Этому коню уже двадцать годов... Ен сегодня издохнет — николи так не бегал...»

Иван Шумилов долгое время воевал в партизанском соединении Василия Васильевича Щербины (партизанская кличка Бордач). В Музее Великой Отечественной войны, что стоит в самом центре Минска, воинским подвигам этого соединения посвящен целый раздел. На стендах вещи, оружие партизан. И среди них еще два предмета, которые в свое время привлекли мое внимание. Это книга Ивана Шумилова «В тылу врага» и партизанская рация «РБМ», к которой прикреплена металлическая бирка с гравировкой: «Партизанам Белоруссии от новосибирцев». Из короткой надписи, помещенной рядом, явствует, что радиостанция, сделанная руками новосибирских тружеников, верно служила партизанам два с половиной года — вплоть до изгнания врага с белорусской земли.

Так вот, через десятилетия маленькие эти детали — и книга писателя-сибиряка, и рация — приобретают яркую символику слитности всего советского народа в минувшей войне. Через годы и расстояния мы все глубже и пристальней будем всматриваться в самые мельчайшие детали минувшего, которое для нас — история. А в ней и для нее все значительно и ничего не должно быть упущено.

Поэтому, наверное, мечтал Иван Леонтьевич Шумилов написать развернутое полотно о белорусских партизанах, поддерживая в себе чуть тлеющий огонек жизни огромной любовью к людям. Строки одного из его стихотворений могли бы стать эпиграфией ко всему тому, что им сделано и чего он не успел совершить, вынашивая планы новой книги:

Хочу, чтоб жизнь моя была
Не тихой и бездумной,
А, как весенние ручьи,
Стремительной и шумной.

Чтоб, как ручьи в просторе рек
Сливают свои воды,
Так жизнь моя — мой ручеек —
Влилась бы в жизнь народа.

Отдав себя, умрут ручьи,
Собой наполнив реку.
Так я хочу себя отдать
Для счастья человека.

Он не дожид до 40-летия Победы ровно четыре весны. Но живут его книги, которые,

